

Арпентьева М.Р.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

EURASIAN INTEGRATION: PROBLEMS OF INTERCULTURAL RELATIONS

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕН), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, (Калуга, Россия), e-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

Mariam R. Arpentieva, grand doctor (Grand PhD) of psychological Sciences, associate professor, corresponding member of the Russian academy of natural sciences (RANS), professor of the department at the development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University, Kaluga, e-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

Аннотация. Современные модели мультикультурных отношений в мире в целом и в Евразии в частности становятся все более сложными и запутанными. Необходимость упорядочивания огромного количества понятий, теорий и подходов все более очевидна. Современные исследователи, работающие в сфере межкультурных отношений («коммуникаций») активно выстраивают интегративные модели и метамоделю оптимизации взаимоотношений сообществ и людей разных этнических, национальных, религиозных и т.д. групп. Необходимость таких моделей и метамоделей связана с тем, что современный век — век мультикультурных сообществ, активнейших миграций и возрождения кочевого образа жизни в целом.

Abstract. Modern models of multicultural relations in the world in general and in Eurasia in particular are becoming more complex and confusing. The need to order a huge number of concepts, theories and approaches is increasingly evident. Modern researchers working in the field of intercultural relations («communications») are actively building integrative models and metamodels to optimize the relationships between communities and people of different ethnic, national, religious, etc. groups. The need for such models and meta-models is due to the fact that the modern age is the age of multicultural communities, the most active migrations and the revival of the nomadic way of life in general.

Ключевые слова: межкультурные отношения, модели, метамоделю, рефлексия, ценности, присвоение, обмен.

Key words: intercultural relations, models, metamodels, reflection, values, appropriation, exchange.

Современные исследователи, работающие в сфере межкультурных отношений («коммуникаций») в Евразии и во всем мире активно выстраивают интегративные модели и метамоделю оптимизации.

зации взаимоотношений сообществ и людей разных этнических, национальных, религиозных групп. Необходимость таких моделей и мета-моделей связана с тем, что современный век (age of mobility, world restructurization, globalization, ethnical and nomadical renaissances, evolution, co-evolution and involution) — это век интеграции и дезинтеграции, глобализации и этнического реванша, повышенной мобильности, эволюционных переворотов и противостояний, а также реакционных, дисгенических и инволюционных деформаций, век отрицающих границы цифрового и традиционного номадизма и век жестоких сражений стран и народов за постоянство границ. На пороге третьей мировой войны страны и сообщества ищут ненасильственные и/или максимально неразрушительные способы выживания и построения взаимоотношений. К ним относятся и «мягкая сила» (soft power) миграций, и многочисленные мультикультурные программы и проекты со столь разными названиями, что не специалисту порой даже трудно представить, насколько богата феноменология современной теории и практики мультикультурных отношений («коммуникаций»).

Программы мультикультурного типа и миграционные процессы с середины и, особенно, с конца XX века все набирают интенсивность и разнообразие, вместе с ними умножаются и теории мультикультурных сообществ, типов культурных обменов/заимствований и типов миграций. Современные модели мультикультурных отношений становятся все более сложными и запутанными. Необходимость упорядочивания огромного количества понятий, теорий и подходов все более очевидна. Применяя модель развития межкультурной чувствительности (Developmental Model of Intercultural Sensitivity; DMIS) к формированию не межличностных, а межнациональных межкультурных компетенций, можно описать процессы и результаты поступательного и «возвратного» освоения одной культурой ценностей моделей поведения, языка и представлений, бытующих в рамках другой культуры [9]. Согласно М. Беннетту, освоение чужой культуры проходит ряд стадий. Первоначально существование или значимость культурных различий обычно не осознается индивидуальным или групповым субъектом [9]. Затем начинает увеличиваться межкультурная чувствительность, а культура другого этноса, группы начинает осмысляться как один из возможных взглядов на мир. В ходе роста чувствительности субъект полностью осознает и признает существование культурных отличий. Он начинает рассматривать их как компонент собственной идентичности. В итоге возникает новая личность или новая группа, новая культура: сознательно и избирательно интегрирующей

в себе элементы различных культур [9]. Одна из ранних моделей межкультурных отношений — модель культурной диффузии: антропогеографическая школа Ф. Ратцеля, школа «культурной морфологии» Ф.Г. Фробениуса, концепция «культурных кругов» Ф. Гребнера и «культурно-историческая» школа В. Шмидта, диффузионистские идеи У.Х. Риверса, Г. Эллиота-Смита и У.Дж. Перри, стремились описать историю человечества в понятиях контактов и диффузий, столкновений, заимствований и переносов элементов культур, отвергая идеи прогресса и эволюции в целом. По их мнению, культура распространилась из одного центра (на который претендуют вземные цивилизации Созвездия Малого Пса, Ориона, Нибиру, Марса, земные протоцивилизации и государства Лемурия, Гибборея, Шумер, Египет и т. д.) на весь мир (монистическая модель). Другой подход — эволюционизм и плюралистическая модель (Ф. Клемм, Э. Тейлор, Г. Спенсер, Л. Морган, Дж. Фрейзер, Джон Ф. Мак-Леннан, Дж. Лаббок): он отмечает сходство и/или тождество национально-исторических путей разных этносов и народностей, рассматривая историю как сумму независимых эволюций отдельных элементов культуры и социальных отношений. Интересные подходы даны в школах и исследованиях А.Т. Фоменко, В. Хлебникова, Н. Кондратьева и П. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера, многих других мыслителей: это теории циклического повторения истории («исторический циклизм») и «наложений» разных исторических пластов друг на друга. Теориям цикличности противостоят теории модернизации (Г. Гегель и др.), которые в итоге сходятся в «спиральных» теориях эволюции человечества.

На индивидуальном и групповом уровнях также описан целый ряд процессов, в том числе инкультурация и энкультурация, аккультурация, ассимиляция (Дж. Берри, Р. Билз, Р. Линтон, Р. Редфилд, Р. Турнвальд, и М. Херсковиц), отражающих свободное или направленное взаимодействие культур, в том числе на примере отдельных регионов (Дж. Фостер, Дж. Фелан и др.) [18]. Культурные заимствования при этом рассматриваются как отрицательное (ассимиляции и апроприации как заимствования в «колониальной манере», без учета мнения о результате заимствования со стороны культуры-донора) или положительное явление (культурное заимствование как условие повышения качества жизни перенимающей стороны, ее адаптации к изменившимся обстоятельствам жизнедеятельности), в том числе в зависимости от того, насколько «равновесны» обменивающиеся группы и насколько взаимодействующие культуры вовлечены или не вовлечены в исторический,

этнический или расовый конфликт, противостояние. Апроприация как «колониальное заимствование» связано с тем, что фрагмент культуры, языка заимствуется, присваивается без учета сакральности и смысла заимствованного компонента культуры для ее носителей, происходит сведение заимствования к «экзотическому тренду», моде меркантилизация и ненадлежащая культурная интерпретация и т. д. Однако, есть и иной, противоположный эффект: эффект пиццы или пицца-эффект (pizza effect) Л. Фишера (А. Бхарати) — составляющие культуры каких-либо нации или народа, оказавшись в иной этнокультурной или социально-экономической среде, переживают трансформацию в материнскую культуру [10; 11]. То есть «осваивающая культура» повышает ценность фрагмента «материнской культуры» и влияет на культурную самоидентификацию. Й. Боруп отметил наличие «перевернутого эффекта пиццы»: «присваивающая» культура трансформирует часть «материнской» культуры и наслаждается результатом трансформаций, полагая, что эти результаты принадлежат «материнской» культуре [12, р. 477.]. Часто используется понятие Ф. Ортиса транскультурация: оно отражает стремление людей и этносов разрешать конфликты постепенно и по частям, не усугубляя их эскалацией [17]. В эпоху цифровой культуры, а также общей глобализации наблюдается рост проницаемости между культурами и увеличение более или менее массовых миграций, приводящие к «этноконвергенции», а также гомогенизации и культурным компромиссам [8; 20; 21].

Согласно Т.Ф. Кузнецовой и иным исследователям, рассмотревшим наиболее известные теории взаимодействия культур (Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби, П.А. Сорокина, С. Хантингтона), можно выделить ряд более или менее пересекающихся и более или менее ненасильственных типов межкультурных отношений [1; 2; 3]:

1. по линии культурных «трансгеографических» ориентаций вестернизация или колонизация (европеизация и американизация), овосточивание культур, существование и формирование «третьих культур» и взаимодействие с ними;

2. по линии модернизации и слияния культур и производства — модернизация, глобализация как мондиализация, и креолизация/транскультурализация.

Все эти процессы взаимного влияния культур характеризуются определенным соотношением насилия и ненасиления [4; 5].

Обсуждение проблемы. Вестернизация как процесс выражено насильственный, колониалистический, предполагает перенос

элементов западной культуры в другую культуру, сопровождающийся подрывом традиционных основ последней («глокализация» как явление, сметающее иные культуры и распространяющее западные институты по всему миру по Э. Гидденсу, «пересадка» — перенесение культур с одного места на другое посредством колонизации и «прививка» развитие новой культуры за счет основной в концепции Н.Я. Данилевского) [6; 13]. Овосточивание культур — влияние культур Востока на культуру Запада, долгое время в XX веке было неагрессивным, в другие века — проникновение восточных культуры шло вместе с завоеваниями, по мере успешности или неуспешности таковых. Такое взаимодействие представляется в целом ненасильственным, в силу незначительного масштаба и изменчивости влияния: проявляется в стилях моды, художественной культуре, в интересе к научным, образовательным взглядам и культурным доктринам, и искусству незападных ученых, писателей, художников и т.д. Однако активные действия многих стран востока на мировой арене (Китай, Индия, Корея, Турция) и массовые миграции из стран цветных революций в начале нынешнего века и превратили третьи страны в конкурентов «первых», а «беженцев» — в захватчиков: наступил культурный реванш колониализма, в том числе связанный с привнесением ограничений и предписаний восточных культур в жизнь европейских народов. Интересно также наличие «третьих культур» по М. Фезерстоуну — или культурных «мостов», культур-маргиналов, культур-эклетик (транскультур), «пограничных цивилизаций», которые нельзя отнести ни к западной, ни к восточной (российская, латиноамериканская, африканская культуры). Взаимодействие с ними выступает продуктивным смешением своего и чужого, в большей степени ненасильственно. Их существование в целом ненасильственно в отношении влияния на соседние и собственные народы и общества.

Модернизация — «вариант развития, совершенствования, накопления позитивных качественных изменений, которые связаны с ростом, накоплением количественных изменений (экономических, социальных, демографических, культурных и других)» как «благодарное воздействие более развитой цивилизации на менее развитую», при котором сохраняется самобытность последней (тип «почвенные удобрения») в теориях Н.Я. Данилевского; взаимодействие по типу «вызов» — «ответ», при котором одна из цивилизаций создает для другой ситуацию уязвимости, а другая способна превратить это негативное влияние в стимул (тип «столкновение цивилизаций-современниц») у А.Дж. Тойнби; тес-

ное объединение разнородных, но находящихся в одном пространстве, элементов культуры, связанных не только этим пространством (тип «косвенная ассоциация под воздействием общего внешнего фактора») у П.А. Сорокина; преобладающее влияние одной цивилизации на другие, при сохранности исконно национальных ценностей и институтов (тип «взаимодействие и образование мультицивилизационных систем») у С. Хантингтона. Модернизация не насильственна: направлена не на разрушение, а на преобразование культур [14; 14]. Э. Гидденс рассматривает глобализацию как продолжение модернизации: современности (modernity) внутренне присуща глобализация: интенсификацию распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые «связывают удаленные места (localities) таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [9, р. 64]. Глобализация трактуется двойственно [9; 15]. Например, в духе «захламленного чердака» П. Сорокина или в духе максимальной смысловой (культурной) интеграции. Она также трактуется как мондиализация — принудительное объединение стран и формирование однополярного мира, в котором бесчинствуют государство с его правоохранительными институтами и мальтузианская, компрадорская буржуазия (ТНК), занимающаяся системным геноцидом и отбором культур и наций, наращиванием систем управления сообществом и человеком, беспрепятственного и неограниченного вторжения в его жизнь (тотальное порабощение и насилие на всех уровнях жизни, формирование людей-слуг и людей-господ, сценарий «матрицы»). Р. Робертсон выявляет две направленности глобализации:

1) глобальная институционализация жизненного мира, организация повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным воздействием макроструктур мирового порядка (экспансия «общечеловеческих ценностей», распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ и ТНК;

2) локализация глобальности [19, р. 15–17], тенденция становления глобального через локальное — через превращение взаимодействия с представителями иных государств и культур в рутинную практику, через включение в повседневную жизнь элементов инациональных, «экзотических» локальных культур. Она не уменьшает разнообразие культур, но даже увеличивает его: возникает «глокализация» по Р. Робертсону.

Глобализация может выступать как «транслокализация», она обуславливает и де-локализацию, и ре-локализацию: соотноситель-

ность и взаимопроникновение глобального и локального, сочетание тенденций к гомогенности и к гетерогенности. А. Аппадурраи рассматривает глобализацию как детерриториализацию — утрату привязки социальных процессов к физическому пространству, становление транснациональных и диаспорных сфер публичной жизни людей, более или менее связанных с исходными территориально определенными публичными сферами соответствующих наций, но обладающих собственной и достаточно автономной динамикой [7, р. 301].

Креолизация или гибридизация — производство глобальных культур как «культурной смеси» (смешанные формы кооперации и развитие транслокальных культур) описана У. Ханнерцом, Дж. Фридманом и Я. Питерсом как один из основных процессов в глобализации. Развитие «глокальных» культур в условиях глобализации связано с тем, что они, будучи не привязаны ни к месту, ни ко времени, приходят к ре-локализации — в глобальных рамках по-новому открывают свои культурные особенности и/или настойчиво транслируют их через фундаменталистские движения и протесты. Это «смешанные времена сосуществования предсовременности, современности и постсовременности. «Креолизация» У. Ханнерца особенно актуальна для мультикультурализма, предполагает культурное многообразие, базирующееся не на автономии культур, а на их связях: при «креолизации» речь идет не просто о «культурном плюрализме», а об «организованном культурном многообразии» [10; 11; 15].

Таким образом, в работах самых разных, в том числе величайших представителей культуры и науки, встречаются попытки построения интегративных моделей и мета-моделей межкультурных отношений. Отмечается множественность мотивов, последствий и вариантов взаимодействия внутри и между мультикультурными сообществами современности.

Библиографический список

1. Апресян Р.Г. Политическая социология ненасилия Дж. Шарпа // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 8. М., 1995. С. 234–246.
2. Вшивцева Л.Н. Ненасилие в культуре современного российского общества: дисс... канд. философских наук. Ставрополь, Ставроп. гос. ун-т, 2008. 158 с.
3. Кузнецова Т.Ф. Социокультурные взаимодействия и межкультурные коммуникации // Философские науки. 2003. — № 5. С. 129–135.

4. Мир / Peace: Альтернативы войне от античности до конца Второй Мировой войны. Антология. Отв. ред.: Ч. Лэтфилд, Р.М. Илюхина. М.: Наука, 1993. 349с.
5. Цатурян, С.А. Ненасильственная революция. От теории к практике: монография. Москва: РУДН, 2015. 280 с.
6. Albrow M. The global Age. Stanford: Stanford University Press, 1997. 246 p.
7. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture. Ed. by M. Featherstone. London, 1990. 340 p.
8. Aspects of Intercultural Dialogue. Theory · Research · Applications / Aalto N., Reuter E. (Hrsg.). — Köln: Saxa, 2007. 380 p.
9. Bennett, M.J. A developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // Intercultural Journal of Intercultural Relations. 1986. № 10 (2). P. 179–196.
10. Bharati A. The Hindu Renaissance and its Apologetic Patterns // The Journal of Asian Studies. — 1970. Vol. 29, № 2. P. 267–287. DOI:10.2307/2942625.
11. Bharati A. Indian Expatriates in North America and Neo-Hindu Movements // The Communication of Ideas / Yadava J.S., Vinayshil G. (Eds.). New Dehli: Concept Publishing Company, 1980. P. 245–255.
12. Borup J. Zen and the Art of Inverting Orientalism: Religious Studies and Genealogical Networks // New Approches to the Study of Religion / Eds.P. Antes, A.W. Geertz, and R.R. Warne. Berlin: Verlag de Gruyter, 2004. Vol. 1, Regional, Critical, and Historical Approaches. P. 451–487.
13. Gallaher, C.; Dahlman, C. T.; Gilmartin, M.; Mountz, A.; Shirlow, P. Key Concepts in Political Geography. London: SAGE, 2009/2014. P. 392.
14. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990
15. Hannerz U. Transnational Connections. London: Routledge, 1996. 290 p.
16. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y., 2004. P. 87.
17. Ortiz, F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar, Durham, NC: Duke University Press, 1995. — 380p.
18. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation. American Anthropologist, 1936. Vol. 38, No. 1. P. 149–152.
19. Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. Ed. by M. Featherstone. London, 1990. 304 p.
20. Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // American Anthropologist XXXIV. 1932. P. 557–569.
21. Ziff B., Rao P.V. Introduction to Cultural Appropriation: A Framework for Analysis // Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1997. 337 p.